

Вернувшись домой, я сразу же засел за изучение той техники внутренней силы, что передал мне Шестой господин Ху. Весь текст был записан традиционными иероглифами, и многие из них я попросту не знал. Шел девяносто четвертый год; на раскладках уличных книжных торговцев частенько попадались пиратские издания на традиционном китайском. Я разыскал там и взял почитать «Предание о героях, стреляющих в орлов». Поскольку упрощенное издание я уже читал и прекрасно помнил сюжет, сопоставить старые и новые знаки и разгадать их значение не составило труда.

Способ, конечно, топорный, но ради детской мечты стать великим воителем я был готов расшибиться в лепешку. Впрочем, у каждого в детстве случалось нечто подобное: если уж загорелся какой-то идеей, свернешь любые горы. Не зря говорят, что искренний интерес — лучший учитель.

Движимый этим увлечением, я еще в ранние годы выучил кучу редких иероглифов, которые моим сверстникам и не снились — и все только ради того, чтобы читать романы уся. Теперь же, ради заветной техники, я за два месяца упорного труда научился бегло читать традиционное письмо и даже полностью переписал весь текст упрощенными знаками.

Но суть учения оказалась слишком глубокой: поначалу я не понимал решительно ни слова. Впрочем, унывать я не собирался и принялся прилежно изучать классический вэньянь по «Четверокнижию» и «Пятикнижию» вместе с мамой. Было очевидно, что древний трактат написан не на современном разговорном языке. Брюс Ли, конечно, легенда, но у него были лишь приемы, а не внутренняя работа ума и духа.

Настроившись на долгую и упорную борьбу — ни много ни мало, на манер Войны сопротивления, — я с головой ушел в учебу. Впереди, словно сладкая приманка, маячила заветная мечта, огромная и манящая, будто гигантское мороженое на веревочке.

Хуэй Сяобао в ту пору все еще навещал меня, но с каждым разом его визиты становились все реже. Сначала я даже расстраивался, пока друг не объяснил, что дома его взяли в ежовые рукавицы. Оказалось, какое-то солидное ведомство объявило набор на завидные государственные должности. Семья похлопотала и подала его документы, но конкурс оказался огромным, так что теперь Сяобао приходилось круглые сутки зубрить уроки, чтобы обойти конкурентов и получить место благодаря собственным знаниям.

Услышав это, я, конечно, его поддержал. Лишь позже до меня дошло: хоть Сяобао и выглядел немногим старше меня, за все годы нашего знакомства его внешность ни капли не изменилась. Должно быть, этот хитрец просто прикидывался подростком. Но раз уж другу пришло время бороться за «железную пиалу риса» — стабильную государственную службу, — я должен был отнестись к его стараниям с полным пониманием.

Даже будучи ребенком, я понимал прелесть госслужбы: стабильный доход при любой погоде, да еще и казенное жилье дают — совсем как у моей мамы. Мой же отец в ту пору едва перебивался случайными заработками, так что дела у него шли, откровенно говоря, неважно.

Окончив начальную школу, я поступил в Первую уездную среднюю школу — лучшее учебное заведение в округе. Однако особой радости мне это не принесло. Сами посудите: какому истинному герою есть дело до школьного аттестата? Настоящих воинов заботят лишь тайные свитки да легендарные клинки. Поэтому зачисление в престижную школу меркло на фоне другого моего триумфа — мне наконец удалось полностью разобрать и перевести «Заклинание очищения разума», подаренное Шестым господином Ху.

Перейдя в среднюю школу, я приступил к практике. Поначалу во время медитации я засыпал уже через пару минут, так и не успев почувствовать никакого эффекта. Это продолжалось целый месяц, пока меня снова не навестил Хуэй Сяобао. Он посмотрел, как я занимаюсь, указал на ошибки, и только тогда мои тренировки наконец пошли на лад.

Спустя три месяца я ощутил, что мои чувства невероятно обострились, а здоровье стало крепким как никогда. Раньше я стабильно слегал с простудой каждую осень, но в этот раз беззаботно резвился круглый год напролет, и никакая хворь меня не брала.

Сам-то я понимал, что все дело в духовных практиках, но родители оставались в неведении. Бабушка и вовсе заявила маме, будто в детстве я постоянно болел из-за недоношенности — мол, слабый младенец притягивал бродячих призраков, которые сосали мою янскую энергию. А теперь, когда я подросток и окреп, нечисть просто не смеет ко мне соваться.

Мама, будучи примерной невесткой и убежденной атеисткой, на людях во всем соглашалась со свекровью. Однако дома она заговорщицки шепнула отцу, что моим богатырским здоровьем мы обязаны исключительно его утренним целебным отварам, и осыпала его похвалами.

С тех пор семейная традиция пить целебный бульон по утрам укоренилась намертво. А когда моей младшей сестренке, Чжоу Сяосяо, исполнилось восемь лет, к этому ритуалу приобщили и её.

Да-да, я стал старшим братом. Как раз на летних каникулах между начальной и средней школой в семье Чжоу родился первый за пять поколений ребенок женского пола.

Девчушка оказалась просто невероятной. Прехорошенькая, вылитая мама. У нее было двадцать семь двоюродных братьев и девять племянников. До четырех лет Сяосяо на улице даже земли ногами не касалась — за право носить ее на плечах разыгрывались настоящие семейные баталии.

С появлением дочери отца будто подменили. Раньше он брался за работу, только если кто-то сам просил его обработать лекарственные травы, и брал за это сущие гроши, никогда не завышая цену. Но с рождением дочки в нем проснулся невиданный азарт к работе.

Стоило в горах начаться сезону сбора целебных трав, как отец, прихватив рюкзак и увесистую пачку наличных, отправлялся по самым глухим таежным деревьям скупать сырье.

Больше всех переживала мама. Шутка ли: один, в глуши, с кучей денег на руках, да еще и в эпоху, когда о мобильных телефонах никто и не слышал. И все же она никогда не удерживала его, самолично собирая мужу дорожную сумку. А проводив отца, потом ночами не спала, изводя себя тревожными мыслями.

Так продолжалось лет пять или шесть. К тому времени, когда я учился в старших классах и готовился к выпускному году, мы перебрались в город. Купили просторную трехкомнатную квартиру, где у нас с сестрой наконец появились собственные спальни.

Отец перестал мотаться по тайге: благодаря помощи Второго дяди он арендовал приличную лавку на городском рынке и занялся торговлей лекарственным сырьем. Мама уволилась с работы, чтобы помогать ему вести дела.

То ли отец оказался прирожденным коммерсантом, то ли семейный подряд принес удачу, но дела быстро пошли в гору. А вот моя жизнь, напротив, покатила под откос.

Я внезапно занедужил. Причину никто назвать не мог, но во втором полугодии десятого класса силы начали стремительно покидать меня. Мама сразу потащила меня по больницам. Результаты анализов показывали, что я абсолютно здоров, а один особо «одаренный» эскулап и вовсе заявил, что у меня обычная школьная фобия и я просто симулирую.

Меня так и подмывало высказать ему все, что я думаю, но мама безоговорочно поверила врачу. Делать нечего — пришлось превозмогать слабость и каждый день уныло плестись на занятия. Из-за вечного тумана в голове слова учителей пролетали мимо ушей. К тому же из-за переезда меня перевели из уездной школы в престижный городской экспериментальный лицей. Новая обстановка, непривычные требования — в итоге мои оценки, прежде вполне достойные, скатились до серости среднего уровня. Спасали только старые дрожжи, иначе я точно оказался бы в самом хвосте списка.

Когда я принес домой результаты первых же месячных тестов, отец вскипел и уже замахнулся для взбучки, но тут на шум прибежала сестренка. Своим оглушительным ревом она буквально спасла меня от расправы. Позже мне пришлось раскошелиться на самое дорогое мороженое для мелкой спасительницы и подписать с ней парочку кабальных соглашений, но дело того стоило — я обзавелся надежнейшим щитом от отцовского гнева.

Мама, некогда работавшая в сфере образования, прекрасно понимала мое положение. Стало ясно, что поступить в вуз на общих основаниях мне не светит, а значит, пора было искать обходные пути.

Не подумайте ничего дурного: никаких взяток или шпаргалок. Речь шла о поступлении по квоте для творчески одаренных абитуриентов. Направление можно было выбрать разное: спорт, изобразительное искусство, музыка или актерское мастерство. Из всей этой четверки я со своим убогим арсеналом мог претендовать разве что на рисование или театр.

О спорте с моим нынешним самочувствием не стоило и заикаться. С музыкой дела обстояли не

лучше: медведь наступил мне на ухо так основательно, что петя я мог разве что собственного сочинения мотивы, упорно не попадая ни в одну ноту. Так что эти два пути отпали сразу.

Что касается рисования и актерства — честно говоря, оба занятия казались мне девчоночьими. Но у отца была давняя мозоль: сам он в свое время не получил высшего образования, и эта недостижимая мечта не давала ему покоя. Ради моего диплома он в начальной школе каждый вечер корпел со мной над домашними заданиями. Пришлось выбирать из двух зол меньшее.

Конечно, я склонялся к тому, что попроще и подешевле. Актерское мастерство требовало уймы времени, репетиций и, ко всему прочему, уроков хореографии — эту затею я отменил без колебаний. Оставалось только изобразительное искусство.

Весь мой художественный опыт ограничивался детскими каракулями в начальных классах, да и те, признаться, выходили аховыми. Однако отец твердо решил сделать из меня студента. Он превзошел сам себя и разыскал в столице провинции специализированные экспресс-курсы: четыре месяца жесткой изоляции и подготовки, после которых практически гарантированно поступали в любой художественный вуз.

Перед самым отъездом в столицу меня проведаль Хуэй Сяобао. Мы не виделись почти год: во время нашей последней встречи он предупредил, что уходит в глубокий затвор минимум на шесть месяцев. Сяобао заметно возмужал. Прежде он выглядел лет на пятнадцать, моложе меня, а теперь казался девятнадцатилетним юношей — то есть снова слегка меня обошел. Мне тогда как раз исполнилось семнадцать, и до выпускных экзаменов оставался год.

— Наконец-то ты объявился! — воскликнул я. — Еще немного, и поминай как звали своего названного брата.

За последние месяцы из-за скверного самочувствия мои мечты о боевых искусствах покрылись пылью, а занятия по «Заклинанию очищения разума» сделались совсем нерегулярными.

— Я все знаю, Дачуань, — со вздохом ответил он. — Твоя нынешняя слабость — это дело рук Третьего господина Хуэй и Пятого дяди Хуэй. Они отводят от тебя смертную беду. Поверь, лучше переболеть год-другой сейчас, чем безвременно уйти в мир иной в самом расцвете сил.

Я опешил от таких новостей.

— С чего это твои старшие родственники вдруг проявили ко мне такую щедрость?

Дело было не в моей мнительности. Просто при нашей дружбе с Сяобао отводить беду логичнее было бы ему самому, а тут вдруг вмешались столь почтенные старейшины клана Хуэй.

— Ты же спас внука моего Пятого дяди Хуэй, забыл? — Сяобао закатил глаза. — Год не

виделись, а ты совсем растерял сообразительность.

Слышать обвинения в глупости было обидно, и я тут же вскинулся:

— Сяобао, поймей совесть — будь ты хоть человеком, хоть духом! Ты твердил, что я спас твоего племянника, но хоть бы раз упомянул, о ком именно идет речь!

Сяобао смущенно потер нос. Вечно он не договаривал половины, причем не со зла, а по забывчивости.

— Ну, вылетело из головы.

Я лишь отмахнулся, вернувшись к главному вопросу:

— И долго мне еще чахнуть? Мне со дня на день уезжать на учебу в столицу провинции, не хотелось бы испустить дух прямо в дороге.

Сяобао замахал руками:

— И думать забудь! Ничего страшного не случится, просто организм слегка ослаблен. Понимаешь, благодаря тренировкам с «Заклинанием очищения разума» ты был гораздо крепче обычных людей. А теперь, когда твой тонус временно снизили до средних показателей, тебе кажется, будто ты смертельно болен. Это иллюзия, не принимай близко к сердцу.

Выходит, я зря поносил того терапевта в больнице? Но ведь вялость была абсолютно реальной, а не надуманной. Стоило подумать об учебе, как на меня наваливалась непреодолимая дремота.

— А почему тогда на уроках меня так нещадно клонит в сон? — не унимался я. — В голову вообще ничего не лезет!

Если бы эту напасть можно было как-то исправить, я бы ни за что не ввязался в историю с рисованием. По мне, малевать кисточками — дело сугубо девичье.

— В эти два года твоя судьба сделала крутое пике, — терпеливо объяснил Сяобао. — Поэтому Третий господин Хуэй временно перенаправил твою удачу в учебе на то, чтобы сбалансировать общую жизненную энергию. Не сделай он этого, ты бы погряз в бесконечных несчастьях.

Насколько серьезных? Я хотел было расспросить подробнее, но вовремя сообразил, что махать кулаками после драки бессмысленно.

— Но как же тогда выпускные экзамены? Без аварийной удачи я, может, и не попаду под машину, но провалить выпускной экзамен для меня смерти подобно. Дома меня просто живьем съедят.

Сяобао озадаченно почесал макушку.

— Да ладно тебе, экзамены ведь только в следующем году. К зиме баланс восстановится, так что сдашь все как миленький.

— В том-то и беда, что к зиме не успеть! Из-за этой свистопляски родители отправляют меня поступать на творческую специальность. А профессиональный отбор у художников начинается как раз в конце года. Если я завалю творческий конкурс, пиши пропало.

Осознав всю серьезность ситуации, Сяобао призадумался — подобного расклада он явно не ожидал.

— Ладно, сделаем так: как только узнаешь точные даты экзаменов, сразу дай мне знать. Я поговорю с Третьим господином Хуэй, чтобы он скорректировал твои потоки удачи именно на эти дни. Наш клан в управлении фортуной толк знает, не переживай, все пройдет гладко.

Его слова принесли долгожданное облегчение. В обычные дни я готов был терпеть любые невзгоды, лишь бы в самый ответственный момент удача не повернулась ко мне спиной.

Спустя неделю, собрав вещи и заручившись поддержкой отца, я сел на поезд, уносящий меня навстречу новой жизни в столице провинции.

<http://bllate.org/book/20253/2108493>